

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: РОЖАТЬ НЕЛЬЗЯ ОТКЛАДЫВАТЬ

О. В. Бессчетнова^а

^а Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова
Министерства здравоохранения Российской Федерации (Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ

Введение. В настоящее время как в нашей стране, так и за рубежом (Индия, США, Китай, Нигерия, Пакистан) наблюдается замедление темпов роста населения. К 2100 году средние мировые демографические прогнозы показывают сокращение популяции практически в два раза по сравнению с современным, что может повлечь социально-экономические, политические, культурные и другие последствия. Острота ситуации заставляет правительства принимать меры уже сейчас, чтобы избежать пессимистических сценариев развития событий в будущем. В нашей стране важная роль в стабилизации населения, сохранении народа России отводится в том числе национальным проектам «Демография» (2018–2024) и «Семья» (2025–2030).

Материалы и методы. В статье использованы методы общелогического (обобщение, анализ, синтез) и эмпирического (опрос) характера. В 2024 году было проведено социологическое исследование методом онлайн-анкетирования (n=185), в котором приняли участие студенты московских вузов в возрасте 18–29 лет с целью изучения семейных ценностей и репродуктивных установок современной студенческой молодежи.

Результаты и обсуждение. Проведенное исследование показало, что современная молодежь дает высокую оценку институту семьи, подчеркивая ее важные социальные функции по воспроизводству, воспитанию, социализации, поддержке и защите своих членов, и в большинстве своем ориентируется на полную семью с двумя детьми, созданную на основе зарегистрированного брака. Поэтому, на наш взгляд, именно высокая степень ответственности в условиях неопределенности и риска в сфере образования, труда и занятости, прагматичный подход к обеспечению своего будущего и жизни своих детей в условиях сильной социальной дифференциации, заставляет молодых людей откладывать вступление в брак и рождение детей на более поздний возраст.

Выводы. Предпринятые меры государственной демографической политики не смогли кардинально изменить репродуктивные установки молодежи фертильного возраста, в связи с чем необходим поиск эффективных способов стимулирования рождаемости на основе дальнейшего осмысления эндогенных и экзогенных факторов, учета результатов исследований отечественных и зарубежных ученых для решения существующих демографических проблем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Молодежь, репродуктивные установки, ценности, семья, демографическая политика, национальный проект.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бессчетнова О. В. Семейные ценности и репродуктивные установки современной студенческой молодежи: рожать нельзя откладывать // Вопросы управления. 2025. Т. 19, № 2. С. 17–31. EDN NYZYWW.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бессчетнова Оксана Владимировна – доктор социологических наук, доцент; Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова Министерства здравоохранения Российской Федерации (117513, г. Москва, ул. Островитянова, д. 1) – профессор кафедры социальной работы; oksbesschetnova@gmail.com. SPIN 9594-7926, ORCID 0000-0002-4181-9886, Scopus ID: 54790700600, Researcher ID: D-7361-2013.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила: 12.01.2025; рецензия получена: 07.04.2025; принята к публикации: 25.05.2025.

RESEARCH ARTICLE

FAMILY VALUES AND STUDENTS REPRODUCTIVE ATTITUDES: GIVING BIRTH CANNOT BE POSTPONED

O.V. Besschetnova^a

^aN. I. Pirogov Russian National Research Medical University of the Russian Federation Ministry of Health (Moscow, Russia)

ABSTRACT

Introduction. Currently, there is a slowdown in population growth both in our country and abroad (India, USA, China, Nigeria, Pakistan). By 2100, average global demographic forecasts show a population reduction of almost half compared to today's, which may entail socio-economic, political, cultural and other consequences. The severity of the situation forces governments to take measures now to avoid pessimistic scenarios for the development of events in the future. In our country, an important role in stabilizing the population, preserving the people of Russia is given, among other things, to the national projects «Demography» (2018–2024) and «Family» (2025–2030).

Materials and methods. In the research methods of general logical (generalization, analysis, synthesis) and empirical (survey) nature were used. In 2024 a sociological study was conducted using the online questionnaire method ($n = 185$), in which students of Moscow universities aged 18–29 took part in order to study the family values and reproductive attitudes of modern student youth.

Results and discussion. The conducted research has shown that modern youth highly values the institution of family, emphasizing its important social functions in reproduction, education, socialization, support and protection of its members and mostly focus on a complete family with two children, created on the basis of a registered marriage. Therefore, in our opinion, it is the high degree of responsibility in the conditions of uncertainty and risk in the sphere of education, labor and employment, a pragmatic approach to ensuring their future and the life of their children in the conditions of strong social differentiation that makes young people postpone marriage and having children to a later age.

Conclusion. The measures taken by the state demographic policy could not radically change the reproductive attitudes of young people of fertile age, in connection with which it is necessary to search for effective ways to stimulate the birth rate based on further understanding of endogenous and exogenous factors, taking into account the results of research by domestic and foreign scientists to solve existing demographic problems.

KEYWORDS

Youth, reproductive attitudes, values, family, demographic policy, national project.

FOR CITATION

Besschetnova, O. V. (2025) Family values and modern students reproductive attitudes: giving birth cannot be postponed. *Management Issues*, 19 (2), 17–31. <https://elibrary.ru/nyzyww>.

AUTHORS' INFORMATION

Oksana V. Besschetnova – Doctor of Sociological Sciences; N. I. Pirogov Russian National Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (117513, Moscow, Ostrovityanova St. 1) – *professor of Social Work Department*; oksbesschetnova@gmail.com. SPIN 9594-7926, ORCID 0000-0002-4181-9886, Scopus ID: 54790700600, Researcher ID: D-7361-2013.

The author declare about interest conflict lack

The article was submitted 12.01.2025; reviewed 07.04.2025; accepted for publication 25.05.2025

■ ВВЕДЕНИЕ

Одним из направлений Стратегии национальной безопасности РФ является сбережение народа России и развитие человеческого потенциала, что конкретизируется через «обеспечение

достойной жизни и свободного развития человека, создание условий для укрепления здоровья граждан, увеличение продолжительности жизни, снижение смертности, улучшение жилищных условий, расширение возможностей для получения

качественного образования; поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, лиц с инвалидностью и пожилых граждан, воспитание детей, их всестороннее духовное, нравственное, интеллектуальное и физическое развитие»; особо подчеркивается, что «повышение рождаемости становится обязательным условием для увеличения численности населения России»¹.

Снижение рождаемости – общемировой тренд. Ученые из Университета Вашингтона (США), используя метод моделирования на основе критериев рождаемости, миграции и смертности, разработали несколько прогнозных демографических сценариев. В частности, в среднем (базовом) сценарии указывается, что численность мирового населения достигнет пика в 9,73 млрд чел. (8,84–10,9) в 2064 году, а затем начнет снижаться до 8,79 млрд чел. к 2100 году (6,83–11,8). Базовые прогнозы были сделаны для пяти крупнейших стран мира к 2100 году: Индия (1,09 млрд [0,72–1,71]), Нигерия (791 млн [594–1056]), Китай (732 млн [456–1499]), США (336 млн [248–456]) и Пакистан (248 млн [151–427]). К этому моменту люди старше 65 лет будут составлять 2,37 млрд чел. (1,91–2,87) в возрастной структуре населения планеты, в то время как лица моложе 20 лет лишь 1,70 млрд чел. (1,11–2,81). К 2050 году в 151 стране суммарный коэффициент рождаемости прогнозируется ниже уровня простого воспроизводства (СКР <2,1); для 23 стран, включая Японию, Таиланд, Испанию и Китай, характерно сокращение населения порядка 50% с 2017 по 2100 год [1, с. 1285], что может привести к непредсказуемым экономическим, социальным и геополитическим последствиям.

В нашей стране на основании данных Всероссийской переписи населения 2021 года, Росстатом были разработаны три варианта демографического прогноза (средний, низкий и высокий) до 2045 года. Согласно базовому сценарию к началу 2046 года население страны сократится до 138,8 млн чел. За период с 2024 по 2032 гг. численность популяции будет уменьшаться более чем на 400 тыс./год, естественная убыль составит 600–700 тыс. чел ежегодно; начиная с 2032 года, темпы сокращения населения замедлятся и к 2041–2045 гг. потери достигнут 200 тыс. чел/год². В связи с этим, по мнению отечественных экспертов из Института демографии имени Вишневского НИУ ВШЭ, «для компенсации убыли населения необходимо в течение восьмидесяти лет привлекать от 390 тыс. до 1,1 млн мигрантов, иначе к 2100 году

население страны может снизиться более, чем в два раза – до 67,4 млн чел.» [2, с. 56].

Сегодня наиболее острая демографическая ситуация складывается в ряде субъектов РФ: Еврейской автономной области, Республике Алтай, Вологде и на Камчатке; положительный естественный прирост демонстрируют лишь республики Северного Кавказа. В 2024 году наблюдались рекордно низкие значения рождаемости (8,5 на 1000 населения), характерные для 2000 года, наряду с ростом смертности населения (12,5 на 1000 населения) по сравнению с аналогичным периодом 2023 года (8,7 и 11,9 соответственно). В 2023 году суммарный коэффициент рождаемости в России составлял 1,41 (против 1,5 в 2021 году), что на 35% ниже уровня простого воспроизводства; в то время как в перспективе ставится задача увеличить данный показатель до 1,6 к 2030 и 1,8 к 2036 году, в том числе за счет рождения третьих и последующих детей³.

Для достижения целей и задач стратегического развития страны на средне- и долгосрочную перспективу по инициативе Президента РФ В. В. Путина с 2018 по 2024 гг. были реализованы сорок четыре государственные программы по пяти основным направлениям – «Новое качество жизни» (11 государственных программ), «Инновационное развитие и модернизация экономики» (18), «Обеспечение национальной безопасности» (5), «Сбалансированное региональное развитие» (6) и «Эффективное государство» (4), а также двенадцать национальных проектов, среди которых «Демография», «Образование», «Здравоохранение», «Экология», «Жилье и городская среда», «Производительность труда и поддержка занятости» и другие. По заявлению заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Татьяны Голиковой, сделанному на совещании с представителями российских регионов, «в 2022 году на реализацию нацпроекта “Демография” было предусмотрено 747 млрд рублей. Кассовое исполнение составило 99,6%, что является одним из самых высоких показателей среди всех национальных проектов»⁴.

Вместе с тем, несмотря на достижение положительных результатов в ходе реализации национальных проектов, был выявлен ряд проблем, которые следует учитывать при планировании последующих мер государственной демографической политики, в том числе в сфере улучшения жилищных условий семей с детьми (в настоящее время льготная ипотека под 6% предоставляется

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 3.02.2025).

² Росстат представил три варианта прогноза численности населения РФ к 2046 году // Интерфакс. 9 января 2024 г. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/939473> (дата обращения: 5.02.2025).

³ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 12.02.2025).

⁴ Татьяна Голикова провела совещание по вопросам реализации нацпроекта «Демография». 9 февраля 2023 г. – URL: <http://government.ru/news/47746/> (дата обращения: 2.02.2025).

с рядом условий – рождение второго и последующих детей после 01.01.2018 года, приобретение жилья только на первичном рынке); увеличение размера ежемесячного пособия по уходу за ребенком, при потере дохода неработающей матери порядка 60% и стабилизации семейного бюджета в связи с рождением каждого последующего ребенка (51% многодетных семей в России живут за чертой бедности); введение дополнительных мер поддержки при рождении четвертых и последующих детей; необходимость внедрения новых механизмов стимулирования рождаемости за счет предоставления права детям из многодетных семей на получение бесплатного высшего образования (позитивный опыт Сахалинской области); повышение доступности средств регионального материнского капитала, устранение дополнительных условий при его получении, что вызывает негативную реакцию со стороны населения (например, в Костромской области доля многодетных семей, получивших региональный материнский капитал, составляет порядка 5% из-за необходимости предварительной постановки на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении по договору социального найма)⁵.

Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»⁶ заложил основы для претворения в жизнь девятнадцати национальных проектов, продолжая планомерный курс на поддержку семей с детьми, увеличение рождаемости, сохранение традиционных духовно-нравственных и семейных ценностей, в рамках национальной цели по сохранению населения, укреплению здоровья, повышению благополучия людей, поддержку семьи.

Преемником завершившегося национального проекта «Демография» стал новый национальный проект «Семья», запланированный к реализации с текущего года, который включает в себя пять федеральных проектов: «Поддержка семьи», «Многодетная семья», «Охрана материнства и детства», «Старшее поколение», «Семейные ценности и инфраструктура культуры». Он предусматривает как ставшие традиционными меры государственной поддержки семей с детьми – материнский капитал, единое пособие, семейную ипотеку, так и новые инициативы – семейную налоговую выплату, создание комнат матери и ребенка для молодых семей в вузах,

позволяющих молодым родителям совмещать воспитание детей и получение профессионального образования; строительство женских консультаций, перинатальных центров, охрану и укрепление здоровья, в том числе репродуктивного, проведение молекулярно-генетического скрининга будущих родителей при планировании беременности; расширение программы бесплатного лечения бесплодия и проведения ЭКО; модернизацию детских больниц, дошкольных учреждений; учреждений культуры, создание условий для проведения семейного досуга, сближения представителей разных поколений; скидки в размере 50% на авиабилеты для детей до 12 лет и много другое.

Помимо мероприятий, предусмотренных паспортами национальных, федеральных и региональных проектов, в ряде субъектов РФ (Орловская область, Хабаровский край, Республика Карелия) приняты дополнительные меры, стимулирующие рождаемость в когортах женщин до 25 лет, которые предусматривают единовременную выплату студенткам, проживающим на территории данных регионов и обучающимся по очной форме обучения в колледжах и вузах; а также увеличение размера пособия по беременности и родам до размера минимального размера оплаты труда (с 1.01.2025 – 22 440 рублей, до этого – в размере стипендии).

Кроме того, выдвигаются частные инициативы, поступающие от корпуса депутатов различных политических партий и профильных министерств, направленные на повышение рождаемости и улучшение положения семей с детьми: внесение в Государственную Думу законопроекта об увеличении размера пособия по уходу за ребенком до 60% от среднего заработка (сенаторы от партии ЛДПР Е. Афанасьева, В. Деньгин)⁷; предложение об увеличении оплачиваемого периода декретного отпуска до трех лет (Председатель комитета Госдумы по защите семьи от партии КПрФ Н. Останина)⁸; о бессрочном характере выплаты материнского капитала (в настоящее время до 31.12.2030) (Министерство труда и социальной защиты РФ)⁹; расширение программы жилищного кредитования, снижение ставки семейной ипотеки до 3% для многодетных семей, а для многодетных родителей – выдача беспроцентной ссуды до 35 лет (лидер партии «Справедливая Россия» С. Миронов)¹⁰.

⁵ О ходе реализации национального проекта «Демография». Парламентские слушания. Совет Федерации Федерального Собрания РФ. – URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/112369/> (дата обращения: 2.02.2025).

⁶ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 3.02.2025).

⁷ В Госдуме предложили увеличить пособия по уходу за ребенком // Коммерсантъ. 16 января 2025 г. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7433145> (дата обращения: 3.02.2025).

⁸ Депутат Госдумы Останина поддержала идею об увеличении декрета до трех лет // Коммерсантъ. 12 января 2025 г. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7497608> (дата обращения: 7.02.2025).

⁹ Минтруд предложил продлить программу маткапитала до 2030 года // Коммерсантъ. 14 января 2025 г. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7431942> (дата обращения: 08.02.2025).

¹⁰ Депутат Миронов придумал, как поднять рождаемость в полтора раза. – URL: <https://dzen.ru/a/Z6wrs9IiK2Q2vQ0b> (дата обращения: 13.02.2025).

Наряду с позитивными были утверждены меры «запретительного» характера: принятие Федерального закона от 23.11.2024 № 401-ФЗ «О внесении изменений в статью 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», запрещающего распространение информации, «пропагандирующей отказ от деторождения», нарушение которого наказывается штрафом до 400 тыс. для физических лиц; до 800 тыс. руб. для должностных лиц и до 5 млн руб. для юридических лиц¹¹; предложения от региональных органов власти, в частности – принятие законопроектов о запрете склонения женщин к абортam (Курская область), об исключении медицинских организаций частной системы здравоохранения из числа медицинских организаций, имеющих право проводить искусственное прерывание беременности (Нижегородская, Липецкая, Челябинская области; Республики Крым, Мордовия, Татарстан). Некоторые инициативы вызвали негативное отношение общественности и не прошли утверждение парламентариев – введение налога на бездетность (депутат от Единой России А. Гурулев); предоставление отцу права на развод с беременной женой, если ребенок не общий (внефракционный депутат Е. Марченко); законопроект, обязывающий суд принимать меры к примирению супругов с общими несовершеннолетними детьми при расторжении брака и обязывающий их пройти психологическую консультацию (группа депутатов и сенаторов от Единой России во главе с вице-спикером Думы А. Кузнецовой).

В настоящее время активизация деятельности государства, направленной на повышение рождаемости, обусловлена, на наш взгляд, рядом факторов: четкой установкой руководства страны на повышение рождаемости; закреплением демографической повестки в законах и нормативно-правовых документах; позиционированием многодетности в качестве приоритетной формы российской семьи в настоящем и будущем; фиксацией на основных функциях семьи как социального института – репродуктивной, воспитательной, социализирующей как оплоте российской государственности, основанной на традиционных духовно-нравственных ценностях; стремлением избежать исполнения пессимистического демографического прогноза, предполагающего стремительную убыль населения, уменьшение лиц трудоспособного и увеличение людей пенсионного возраста в социально-демографической структуре населения, что чревато негативными последствиями для экономики, национальной безопасности и суверенитета страны.

■ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В современной отечественной и зарубежной научной литературе для объяснения причин

трансформаций демографического поведения современных поколений молодежи фертильного возраста как в нашей стране, так и за рубежом, выражающихся в более позднем вступлении в брак, росте сожительства, разводов, откладывании рождения детей на более поздний срок, существует ряд объяснений [3].

Во-первых, по мере повышения уровня жизни детей индивидуальные ценностные ориентации смещаются в сторону приоритета самореализации [4; 5], что неизбежно приводит к увеличению среднего возраста вступления в брак и рождения детей либо вообще снижает готовность связывать себя узами официального брака и желанием иметь потомство, что приводит к распространению одинокости, сожительства, разводов, неполных семей и рождения внебрачных детей.

Во-вторых, некоторые исследователи [6; 7] обращают внимание на связь между уровнем образования, гендерными нормами и созданием семьи, утверждая, что распространение в обществе гендерно-эгалитарных норм, сближение женских и мужских гендерных ролей способствует повышению рождаемости и стабильности брачного союза.

В-третьих, создание семьи рассматривается через призму экономической целесообразности – как разница между выгодой (получением высокооплачиваемой работы) и издержками (необходимостью вкладывать в развитие своего человеческого капитала, получить образование, приобрести профессиональную квалификацию и мастерство). Чтобы в дальнейшем не только сохранить, но и повысить свой социальный статус и уровень благосостояния [8], индивид должен сосредоточиться преимущественно на карьере, а не на создании семьи и рождении детей. Кроме того, желание достичь статуса и уровня жизни родительской семьи мотивирует молодых супругов/партнеров откладывать деторождение на неопределенный срок [9]; необходимость найти себе «достойного» спутника жизни увеличивает время на поиск брачного партнера, в связи с чем добрачное сожительство рассматривается как приемлемая форма семьи, позволяющая в любой момент переключиться на нового, более статусного кандидата [10].

В-четвертых, процессы глобализации и постиндустриализации оказывают влияние на жизненный цикл семьи, вызывая экономическую неопределенность, нестабильность на рынке труда, повышая риск потери работы, дохода, отказа от привычного образа жизни, что заставляет молодых людей выбирать такие модели семьи, которые не связаны с долгосрочными обязательствами (например, сожительство), что, однако, характерно не для всех социальных страт.

¹¹ О внесении изменений в статью 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 23.11.2024 № 401-ФЗ. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411230022?index=1> (дата обращения: 3.02.2025).

Родители с более высоким уровнем дохода и образования оказывают существенную поддержку своим детям, вкладывая средства в их человеческий капитал, стараясь минимизировать риски их нисходящей социальной мобильности, что может привести к отсрочке вступления в брак и родительства [11; 12].

В-пятых, структура родительской семьи (полная/неполная), качество детско-родительских отношений имеют важное значение для формирования у детей желания создавать собственную семью, что объясняется не столько социально-экономическими различиями, сколько ценностями и предпочтениями родителей, их способностью принимать участие в жизни детей, стрессом, вызванным разводом, что непосредственно влияет на механизмы межпоколенной трансмиссии семейного демографического поведения [13]. Как правило, дети из неполных семей с большей вероятностью намного раньше станут родителями, у них выше вероятность развода и повторения судьбы собственных родителей по сравнению с детьми из полных семей, которые откладывают родительство до вступления в брак [14].

Результаты отечественных исследований последних лет [15; 20] показывают, что участники опросов невысоко оценивают эффективность предпринятых государством мер в сфере повышения рождаемости, которые не смогли кардинально изменить репродуктивные установки молодежи фертильных возрастов, что требует, во-первых, дальнейшего научного осмысления причин, вызывающих изменение взглядов на брак, семью, детей; во-вторых, принятия во внимание результатов исследований отечественных и зарубежных ученых, учета прошлых ошибок и трудностей при реализации соответствующих государственных программ, национальных, федеральных и региональных проектов; в-третьих, поиска эффективных способов стимулирования деторождения в рамках совершенствования и дополнения мер государственной демографической политики.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

За последнюю декаду написано довольно много работ в сфере демографии, социологии, педагогики, экономики, психологии, посвященных изучению причин снижения рождаемости и описывающих данный феномен с позиции макро- и микроподходов. Однако, несмотря на это, следует констатировать отсутствие современных социологических монографических исследований о молодежных установках и практиках репродуктивного поведения, что вызывает необходимость в проведении описательных и аналитических исследований, как на региональном, так и на общенациональном уровне.

Целью данного исследования является теоретический анализ текущего состояния государственной демографической политики РФ, усилий, предпринимаемых органами государственной власти на федеральном, региональном, локальном уровнях, политическими партиями, отдельными активистами, направленных на повышение рождаемости, а также эмпирическое изучение закономерностей и противоречий формирования семейных ценностей и репродуктивных установок современной студенческой молодежи (на примере московского студенчества).

Основными гипотезами исследования выступили предположения о том, что современная молодежь, во-первых, не отрицает ценности семьи, ее функционала и предназначения, во-вторых, вкладывает в понятие «семья» свои смыслы (семья – это двое любящих людей; семья – это муж, жена, ребенок/дети), в-третьих, более ответственно подходит к созданию семьи и рождению детей, что влечет за собой «негативные последствия» (длительные сожительства, откладывание деторождения, стремление к получению образования и карьерному росту).

В этой связи в 2024 году было проведено социологическое исследование методом онлайн-анкетирования, в котором приняли участие 185 респондентов от 18 до 29 лет (80,5% девушек и 24,8% юношей), обучающихся по очной форме обучения в трех московских вузах – Финансовом университете при Правительстве РФ, Государственном университете управления при Правительстве РФ, Российском государственном университете социальных технологий – и выразивших добровольное согласие принять участие в опросе. Медианный возраст респондентов составил 18,5 лет. Большинство опрошенных принадлежат к возрастному диапазону 18–22 года, воспитывались в полной семье, на момент опроса не состояли в официальном браке (50,3%) и не имели детей (лишь 2,7 % указали на наличие ребенка); две трети студентов проживали совместно с родителями, треть – самостоятельно (в студенческом общежитии, на съемной квартире); 45,9% опрошенных состояли в отношениях.

Для достижения целей исследования использовалась целевая одноступенчатая нерепрезентативная выборка, основанная на трех критериях: возрасте, широкой географии территории проживания респондентов (в выборке представлены студенты из различных субъектов РФ до переезда в столицу с целью получения высшего образования) и принадлежности к поколению зуммеров, чей активный период социализации пришелся на потребление цифровых технологий. Выборка обусловлена тем, что, с одной стороны, данная социальная группа молодежи претерпела значительное влияние социально-экономических, политических

и идеологических факторов на процесс формирования их ценностных ориентаций, в том числе отношение к браку, семье и рождению детей, с другой стороны, именно данной группе молодежи фертильного возраста в скором времени предстоит принимать решения относительно создания собственной семьи и деторождения. Стихийный тип выборки обусловлен гомогенным характером выборочной совокупности, что обусловило ее объем, а наличие респондентов, приехавших в столицу с целью получения профессионального образования из различных субъектов РФ, позволило расширить географию исследования.

Онлайн-анкета была размещена на платформе Yandex.Forms в течение месяца, заинтересованным респондентам была выслана ссылка с просьбой заполнить анкету максимально полно. Анкета состояла из трех блоков вопросов, посвященных: 1) изучению субъективного отношения к семье, ее функционалу («Семья – это что?», «Семья – она какая?», «Семья – что делает?»); 2) ценностям

брака («Какие семейные ценности являются наиболее значимыми для Вас?», «Какие потребности, по Вашему мнению, в наибольшей степени влияют на принятие решения о вступлении в брак?», «Какая форма брачного союза, на Ваш взгляд, наиболее предпочтительна для Вас?»), 3) семье и детям («Какие жизненные ценности имеют для Вас сегодня наибольшее значение / общественное признание?», «По Вашему мнению, сколько детей должно быть в семье?», «Какие семейные ценности Вам дороже всего?»). Результаты опроса были обработаны при помощи программы Excel.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Результаты опроса показали позитивное видение респондентами семьи как микромира, являющегося опорой, сообществом родных людей или союзом влюбленных, основанного на доверии, верности, взаимной любви, призванного оказывать взаимопомощь, поддержку, дарить тепло и заботу (рисунок 1).

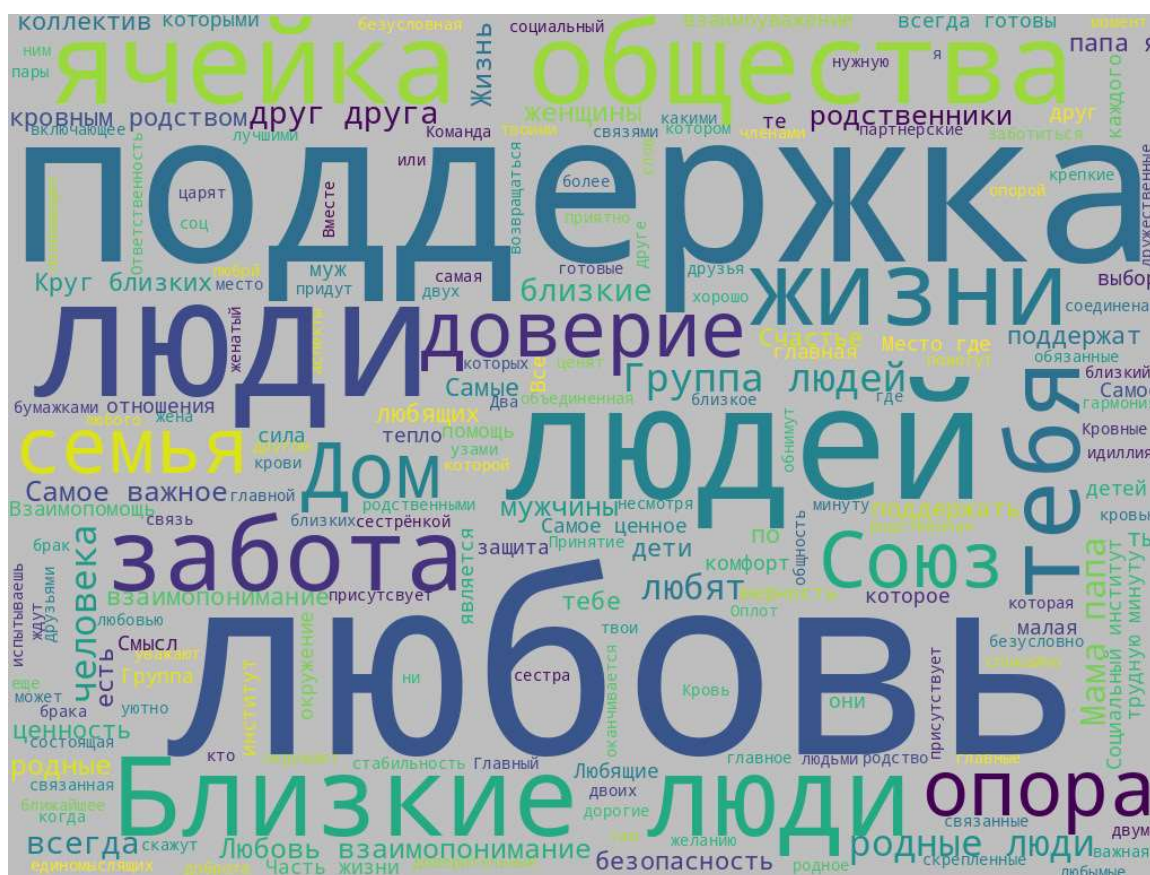
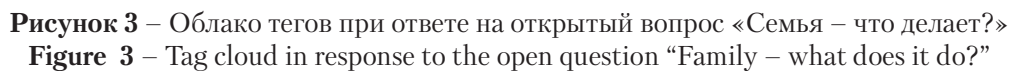
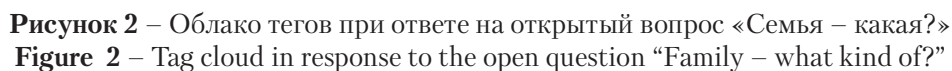

Рисунок 1 – Облако тегов при ответе на открытый вопрос «Семья – это?»

Figure 1 – Tag cloud in response to the open question “What is family?”

При описании семьи информанты характеризуют ее исключительно положительно, используя позитивные эпитеты: дружная, большая, крепкая, счастливая, любящая, полноценная, понимающая и пр. (рисунк 2). Каждый второй полагает, что «без семьи человеку нельзя», каждый третий – что «рано или поздно человек создает семью».

Характеризуя функции семьи, респонденты указывают на ее традиционное предназначение: помогать, воспитывать, поддерживать в сложной жизненной ситуации, защищать от опасностей, объединять и вдохновлять на новые свершения (рисунок 3).

По мнению студенческой молодежи, за последние годы отношение к институту брака существенно снизилось (82,6%). Более половины опрошенных (60,5%) считают для себя наиболее приемлемым официальный брак, заключенный в органах ЗАГС без венчания в церкви, треть респондентов дополнительно настаивает на церковном обряде и лишь 3,8% рассматривают для себя свободные отношения.

Ведущими мотивами вступления в брак студенты называют эмоционально-психологическую поддержку (67,6%), заботу о здоровье и отдыхе, совместный досуг (42,2%), рождение детей, продолжение рода (40,0%), материальную обеспеченность (35,1%), любовь (27,0%), самореализацию и самовыражение (22,2%)¹². Составление брачного контракта поддерживают 60,5% информантов, 8,5% его не одобряют, треть остальных затруднились ответить.

Наибольшее влияние на брачное поведение оказывают социально-экономический статус (59,4%), наличие жилья (50,8%), работы (47,0%), правовой защищенности (40,5%), в наименьшей степени респонденты склонны фокусироваться на роли информационной, пространственной, культурной, политической и досуговой среды. Поэтому закономерно, что наиболее благоприятным периодом для вступления в брак 84,9% респондентов считают возрастной период от 20 до 30 лет.

На вопрос «Какую из форм нетрадиционного брака Вы считаете для себя допустимой?» 67,5% респондентов дали ответ «сожительство», 64,8% – «брак без детей», немногим менее трети (27,0%) согласны на гостевой брак, 2,7% – на однополый, 4,8% не приемлют ни одного из альтернативных брачных союзов¹³. К основным преимуществам официального брака отнесены: юридическая защита – закрепление законных прав и обязанностей супругов, возможность принимать решения относительно здоровья одного из них на законных основаниях; государственная поддержка семьи, льготы и выплаты; финансовая стабильность и безопасность в случае развода; уверенность в партнере и будущем; повышение доверия друг к другу; показатель серьезности намерений при ведении общего быта и воспитания детей. Среди преимуществ незарегистрированного брака отмечались свобода и независимость партнеров, мобильность, низкая степень ответственности; отсутствие бюрократических сложностей и издержек при разрыве отношений; гибкость в решении финансовых и имущественных проблем.

99,8% молодежи уверены, что у семьи есть будущее, большинство склоняется к тому, что семья видоизменится, но полностью не исчезнет.

Наивысшую ценность для молодых людей в семье представляют проявление любви к супругу (е) (91,3%), семейное единство и взаимовыручка (85,9%), эмоционально-психологический комфорт, защита от стрессов (85,4%), а также домашний очаг и бытовой комфорт (70,3%). Более половины молодых людей (58,9%) придерживается идеологии равноправия в определении лидерства в современных российских семьях, остальные 41,1% склонны традиционно видеть главой семьи мужчину.

Подавляющее большинство респондентов считают полноценной семью с детьми: 58,4% – с двумя, 22,2% – с одним ребенком и 17,3% – с тремя и более. На вопрос «Сколько детей Вы планируете иметь при создании собственной семьи?» почти половина респондентов ответили, что планируют иметь двоих детей; 21,6% – одного ребенка; 15,6% – троих детей; 11,9% – ни одного. Результаты авторского исследования коррелируют с данными ВЦИОМ: идею многодетности поддерживают лишь 39% поколения зуммеров, в отличие от представителей более старших возрастов (68%), кроме того, традиционно в малых городах и сельской местности считают многодетность более привлекательной по сравнению с жителями больших городов и мегаполисов¹⁴.

Более половины опрошенных считают, с одной стороны, что государство не должно вмешиваться в сферу развития семьи, вместе с тем, с другой стороны, треть не согласна с тем, что меры государственной поддержки должны распространяться только на семьи, находящиеся в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении; около 40% делегируют государству право охраны и активного возрождения традиционных семейных ценностей.

Авторское исследование показало, что современная молодежь дает высокую оценку институту семьи, подчеркивая ее важные социальные функции по воспроизводству, воспитанию, социализации, поддержке и защите своих членов. Вместе с тем, молодые люди сами не стремятся в скором времени связать себя узами брака и родить детей, обосновывая это необходимостью «встать на ноги» и «пожить для себя», т.е. получить образование, начать работать, самореализоваться в профессии или сделать карьеру, повысить свой уровень благосостояния, накопить на собственное жилье (первоначальный ипотечный взнос), заняться саморазвитием, сделать вклад в свой человеческий капитал. В этой связи из результатов исследования становится очевидным, что молодежь не отрицает традиционных семейных ценностей, в большинстве своем она ориентируется на

¹² Вопрос предполагал выбор нескольких вариантов ответа (не более 3), что дает суммарное значение более 100%.

¹³ Вопрос предполагал выбор нескольких вариантов ответа (не более 3), что дает суммарное значение более 100%.

¹⁴ Многодетная семья: оценка и отношения. Официальный сайт. 25 апреля 2024 г. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mnogodetnaja-semja-ocenka-i-otnoshenie>.

полную семью с двумя детьми, созданную на основе зарегистрированного брака. Поэтому, на наш взгляд, именно высокая степень ответственности, прагматичный подход к обеспечению своего будущего и жизни своих детей в условиях сильной социальной дифференциации, неопределенности и риска в сфере образования, труда и занятости, заставляет молодых людей откладывать вступление в брак и рождение детей на более поздний возраст, для того чтобы повысить шансы на сохранение и упрочение привычного образа жизни, минимизируя риски нисходящей социальной мобильности [16; 17; 18].

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Проблема повышения рождаемости и необходимость поиска эффективных механизмов ее стимулирования мотивирует исследователей на изучение данного феномена, чьи результаты отражают, с одной стороны, региональные особенности, а с другой – позволяют выявить общероссийские формирующиеся тренды. Изучая репродуктивные установки молодежи Пензенской области ($n=520$), Н. В. Розенберг и А. М. Иваниско приходят к выводу о том, что молодежь в основном ориентируется на двухдетную модель семьи; варианты семьи с одним ребенком и бездетной семьи чаще упоминаются как ожидаемые, кроме того, наблюдается существенный разрыв между ожидаемым и желаемым числом детей. Авторы указывают на то, что степень выраженности потребности в детях можно измерить тремя показателями: идеального (критерии – нормы эталонной группы, ближайшего окружения, которые формируются в раннем детстве и в дальнейшем с трудом поддаются изменениям), желаемого (когнитивные установки, особенности эмоциональной сферы, меняющиеся при волевом усилии индивида) и ожидаемого числа детей (социально-экономические факторы, доход, жилье, стабильность, здоровье, которые не в полной мере зависят от усилий конкретного человека) [19]. Эти данные дают основание для размышлений по использованию педагогических, информационных, просветительских методов, которые могут быть использованы при формировании репродуктивных установок с учетом возрастных, гендерных, психофизиологических, когнитивных особенностей детей и молодежи.

Социологический опрос молодых людей 18–35 лет ($n=200$), проведенный в Ярославле и Ярославской области, подтверждает позитивное восприятие деторождения и ориентацию на двухдетную модель будущей семьи. Среди причин отложенного родительства респонденты отмечают трудности материального характера, трансформацию гендерных ролей, равенство прав, стремление повысить свой профессиональный статус с целью снижения рисков погружения семьи в

бедность при рождении ребенка. Для повышения эффективности мер демографической политики указываются среди прочих: повышение доступности ипотечных кредитов на приобретение жилья, в том числе на вторичном рынке, и снижение ставки до 2%; введение ежемесячного пособия по уходу за ребенком от 1,5 до 3 лет; внедрение механизма государственных аккредитованных нянь с возможностью оплаты в том числе и из средств материнского капитала; предоставление бесплатного детского питания; введение образовательных программ, формирующих позитивный имидж семей с детьми [20].

В исследовании С. Ю. Сивоплясовой акцент сделан на некоторую противоречивую, амбивалентную оценку многодетности молодыми людьми: несмотря на то, что треть опрошенных выражают готовность иметь троих детей, параллельно молодежь демонстрирует нарастание негативного отношения к многодетности окружающих. Причинами этого могут быть, с одной стороны, особая модель поведения многодетных родителей и детей в обществе из-за неприспособленности городской/сельской инфраструктуры к потребностям семей с несколькими детьми, что требует внесения изменений в архитектурные, строительные стандарты и регламенты для минимизации дискомфорта всех участников взаимодействия в публичном пространстве; с другой стороны – более активная государственная поддержка многодетных, по сравнению с однодетными и малодетными семьями [21].

Исследование саратовских коллег, проведенное по квотно-территориальной выборочной совокупности ($n=480$) подчеркивает наличие корреляции между численностью детей в родительской семье и числом желаемых или ожидаемых детей в будущих семьях респондентов, но не более 2–3, т.е. многодетность родителей не передается детям в том же объеме. Главным репродуктивным мотивом выступает совместное желание супругов/партеров иметь детей (71,4%), по мнению 60,2% опрошенных, рождение ребенка требует длительной подготовки, что подтверждает воспроизводство модели ответственного родительства. Кроме того, большинство респондентов говорят о необходимости помощи со стороны старшего поколения в уходе за детьми [22]. Данный тезис подтверждается и другими исследователями, которые отмечают, что «в обществе воспроизводится паттерн, что рождение детей и забота о них должны в первую очередь ложиться на родителей и семьи. А вот формирование эффективных и доступных систем здравоохранения и образования – зона ответственности государства» [23, с. 26]. Представляется интересным снижение важности фактора «нормативности» деторождения у современных поколений молодежи, т.е. обязательного наличия ребенка в семье к определенному возрасту

женщины в угоду общественному мнению, как это было у предыдущих поколений (мамы, бабушки), молодые люди «в меньшей степени готовы родить просто потому, что так принято» [24].

Результаты мониторинга студенчества г. Екатеринбурга (n=2000) за период 1999–2020 гг. позволили авторам «развенчать» некоторые мифы, стереотипно приписываемые молодежи: доля абортот у замужних женщин старших возрастов значительно выше, чем у молодежи; численность молодых семей, распадающихся в первый год брака, не превышает 3,5 %. В иерархии жизненных приоритетов молодежи доминирует фактор здоровья, опережая значимость богатства и денег; наблюдается рост самореализации (5% – 1999 г., 2007–2020 гг. – 31%), однако ее не стоит противопоставлять семье, т.к. она может осуществляться в том числе в сфере материнства и воспитания детей. Безосновательны и огульные обвинения молодежи в гедонизме: «в сознании молодых людей родительство совсем не противоположно удовольствиям от жизни, а составляет их органичную часть» [25, с. 49].

Консолидация исследовательских результатов, полученных автором статьи, в сопоставлении их с данными других исследователей, позволили сделать следующий вывод: несмотря на социальные, экономические, культурные, политические трансформации, семья продолжает сохранять свое значение как ведущая ценность. Лидирующими функциями, по мнению молодежи, являются взаимная поддержка и совместное проведение досуга, наряду с репродуктивной и воспитательной. К наиболее значимым рискам, связанным с родительством, респонденты относят трудности самореализации и падение уровня жизни, неуверенность в завтрашнем дне и самом себе [26]. Вместе с тем, студенты демонстрируют положительное отношение к вопросам усыновления (удочерения), а также методам вспомогательных репродуктивных технологий [27]. Именно эти факторы должны быть учтены при планировании мер социально-экономической поддержки молодых семей.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Снижение рождаемости фиксируется не только в России, странах Европы (Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Испания, Италия, Португалия), но и в регионах с традиционной многопоколенной многодетностью, характерной для стран Африки, Азии и Ближнего Востока, включая Иран, Катар, Бахрейн. Например, за последние 20 лет коэффициент рождаемости в Саудовской Аравии снизился с 3,971 в 2000 году до 2,275 в 2019 году из-за низкой потребности в детях [28]. В 2023 году коэффициент рождаемости в Южной Корее был самым низким в мире – 0,65, что побудило Президента страны объявить чрезвычайную

ситуацию национального масштаба из-за демографического кризиса. Другими словами, снижение потребности в детях и отложенное родительство – не российский, а глобальный тренд, имеющий потенциал компенсаторного повышения рождаемости в более позднем возрастном периоде.

Причинами низкой рождаемости в нашей стране признаются сокращение населения репродуктивного возраста из-за демографической ямы конца 1990-х годов; экономический кризис 2014–2016 гг.; непоследовательные меры демографической политики, в том числе затягивание вопроса о продлении программы материнского капитала (решение было принято лишь в декабре 2015 г.); перенос его основных выплат за рождение первого ребенка, что снижает мотивацию к появлению вторых и последующих детей; пандемия COVID-19; санкционное давление со стороны недружественных государств, общемировой финансовый кризис, социальная нестабильность и напряженность, рост цен на товары первой необходимости и услуги, падение доходов и уровня жизни россиян; специальная военная операция на Украине, влияние либеральных ценностей на молодых людей; ориентация на получение образования, карьеру, саморазвитие и самореализацию вне и помимо семьи и, как следствие, откладывание рождения первых детей на более поздний период взросления. Отечественные ученые Т. К. Ростовская и О. А. Золотарева указывают на демографическое старение, будущее сокращение контингента трудоспособного населения вследствие сужения воспроизводства, роста «демографической нагрузки» пожилого населения на трудоспособное [29].

Существующие изменения в репродуктивном поведении современных поколений молодежи приводят к мысли о том, что демографические проблемы не поддаются решению командно-административными методами, для этого необходимо введение грамотных, взвешенных, научно обоснованных мер государственной демографической политики, создание комплексных условий для деторождения, которые включают не только социально-экономическую поддержку (хотя это архиважно), но и предусматривают дальнейшие меры помощи семье, по мере развития ее жизненного цикла, в том числе позволяющие «актуализировать репродуктивный потенциал студенческой молодежи» через создание условий для молодых студенческих семей [15, с. 171–172], включающий комплекс мер, направленных на поддержку образования, совмещения работы и деторождения, развитие гибких графиков работы, развитие удаленных форм занятости для молодых родителей. Кроме того, при принятии управленческих решений следует учитывать богатый опыт субъектов РФ, накопленный ими, в том числе в ходе реализации предыдущих

национальных проектов (например, опыт Республики Татарстан по созданию и реализации комплексной целевой программы «Семья Татарстана», плана мероприятий по реализации семейной и демографической политики Республики Татарстан на 2022–2025 годы) [30].

Изучение матримониальных и репродуктивных установок молодежи является перспективным направлением для дальнейших научных исследований в сфере социологии и демографии, важными из которых, на наш взгляд, могут стать влияние цифровой среды и социальных сетей на формирование взглядов молодежи на брак и деторождение; изучение взаимосвязей между

уровнем образования, экономическим положением и репродуктивными планами молодых людей; роль социокультурных факторов и региональной специфики на репродуктивные намерения (например, различия между городской и сельской молодежью); трансформация репродуктивных норм в условиях глобальных кризисов (пандемия, экономическая нестабильность, экологические риски и др.).

Ограничения исследования: исследование проведено на ограниченной выборке среди московского студенчества, что следует принимать во внимание при экстраполяции результатов исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Vollset, S. E. et al. (2020) Fertility, mortality, migration, and population scenarios for 195 countries and territories from 2017 to 2100: a forecasting analysis for the Global Burden of Disease Study. *Lancet*, 396 (10258), pp. 1285–1306. DOI 10.1016/S0140-6736(20)30677-2. EDN IRWTEB.
2. Юмагузин В. В., Винник М. В. Долгосрочный прогноз компенсаторной миграции в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 1 (58). С. 48–64. DOI 10.31737/22212264_2023_1_48. EDNYDJZMW.
3. Nishikido, M., Cui, Q., Esteve, A. (2022) Partnership dynamics and the fertility gap between Sweden and Spain. *Genus*, 78 (1), p. 770. DOI 10.1186/s41118-022-00170-w. EDN NZDPZE.
4. Lesthaeghe, R. (2014) The second demographic transition: A concise overview of its development. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 111 (51), pp. 18112–18115. DOI 10.1073/pnas.1420441111.
5. Zaidi, B., Morgan, S. P. (2017) The second demographic transition theory: A review and appraisal. *Annual Review of Sociology*, 43 (1), pp. 473–492. DOI 10.1146/annurev-soc-060116-053442.
6. Goldscheider, F., Bernhardt, E., Lappegard, T. (2015) The gender revolution: A framework for understanding changing family and demographic behavior. *Population and Development Review*, 41 (2), pp. 207–239. DOI 10.1111/j.1728-4457.2015.00045.x.
7. Esping-Andersen, G., Billari, F. (2015) Re-theorizing family demographics. *Population and Development Review*, 41 (1), pp. 1–31. DOI 10.1111/j.1728-4457.2015.00024.x.
8. Becker, G. S., Tomes, N. (1994) Human capital and the rise and fall of families. *Journal of Labor Economics*, 4 (3, Part 2), pp. 1–39. DOI 10.1086/298118.
9. Easterlin, R. A. (1976) The conflict between aspirations and resources. *Population and Development Review*, 2 (3/4), pp. 417–425. DOI 10.2307/1971619.
10. Oppenheimer, V. (1988) A theory of marriage timing. *American Journal of Sociology*, 94 (3), pp. 563–591. DOI 10.1086/229030.
11. Bernardi, F., Grätz, M. (2015) Making up for an unlucky month of birth in school: Causal evidence on the compensatory advantage of family background in England. *Sociological Science*, 2, pp. 235–251. DOI 10.15195/v2.a12.
12. Erola, J., Kilpi-Jakonen, E. (2017) Compensation and other forms of accumulation in intergenerational social inequality. In J. Erola & E. Kilpi-Jakonen (Eds.), *Social inequality across the generations*, pp. 3–24. Cheltenham, Edward Elgar Publishing. DOI 10.4337/9781786432568.
13. Teachman, J. (2003) Childhood and the formation living arrangements of coresidential unions. *Journal of Marriage and Family*, 65 (3), pp. 507–524. DOI 10.1111/j.1741-3737.2003.00507.x. EDN GXTNVR.
14. McLanahan, S. (2004) Diverging destinies: How children are faring under the second demographic transition. *Demography*, 41 (4), pp. 607–627. DOI 10.1353/dem.2004.0033.
15. Ростовская Т.К., Князькова Е.А. Институциональные основы становления студенческой семьи как ресурса демографического развития России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 169–179. DOI 10.17213/2075-2067-2022-1-169-179. EDN XVZFAX.
16. Наберушкина Э.К., Бессчетнова О.В., Судоргин О.А. Семья и семейные ценности в представлениях молодого поколения // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22. № 4. С. 697–714. DOI 10.17323/727-0634-2024-22-3-697-714. EDN ZIBQVB.
17. Бессчетнова О.В., Наберушкина Э.К., Судоргин О.А. Аксиологическая оценка влияния социальных институтов на семейные аттитюды городской и сельской молодежи // Теория и практика общественного развития. 2024. № 10.

- С. 17–25. DOI 10.24158/tipor.2024.10.1. EDN SDLVJI.
18. Егорова Н. Ю., Ситникова И. В. «Демографический» фактор рождаемости: оценка потенциала территории на примере Нижегородской области // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 4. С. 25–40. DOI 10.22394/2304-3369-2024-4-25-40. EDN QQVRFO.
 19. Розенберг Н. В., Иванишко А. М. Репродуктивные установки молодежи Пензенской области: разрыв между ожидаемым и желаемым // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 109–117. DOI 10.21685/2072-3016-2021-3-10. EDN SCOQMU.
 20. Овчинникова Н. В. Репродуктивные установки молодежи // Социальные и гуманитарные знания, 2024. Т. 10, № 2. С. 202–217. DOI 10.18255/2412-6519-2024-2-202-217. EDN CАНPDU.
 21. Сивоплясова С. Ю. Репродуктивные установки современной молодежи на многодетность: закономерности и противоречия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 1. С. 223–242. DOI 10.15838/esc.2022.1.79.12. EDN MNVASW.
 22. Бегинина И. А., Овчинникова Е. В. Социально-демографические факторы репродуктивных установок и практик молодежи в России и Саратовском регионе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, № 4. С. 381–389. DOI 10.18500/1818-9601-2021-21-4-381-389. EDN MPVOGX.
 23. Левашов В. К., Великая Н. М., Шушпанова И. С. Граждане о реализации национального проекта «демография» в России // Вопросы управления. 2022. Т. 3, № 76. С. 19–31. DOI 10.22394/2304-3369-2022-3-19-31. EDN NKAIQS.
 24. Захаров С. В., Чурилова Е. В. Репродуктивные установки населения России: есть ли повод для оптимизма? // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2019. № 3-4 (129). С. 69–89. EDN ZGQEFO.
 25. Вишневский Ю. Р., Дидковская Я. В., Зырянова О. Б. Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 40–55. DOI 10.21064/WinRS.2024.1.3. EDN BRHDYG.
 26. Гараева Э. И. Репродуктивные установки молодежи мегаполиса (на материалах г. Екатеринбург) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 5. С. 48–51. DOI 10.23672/m3782-8247-5456-c. EDN XPOBNU.
 27. Воронцова А. В., Коваль М. В., Росюк Е. А. Особенности репродуктивных установок современной молодежи // Общественное здоровье. 2024. Т. 4, № 4. С. 68–75. DOI 10.21045/2782-1676-2024-4-4-68-75. EDN OILKZA.
 28. Lotfi R., Rajabi Naeeni M., Rezaei N., Farid M., Tizvir A. (2017). Desired numbers of children, fertility preferences and related factors among couples who referred to pre-marriage counseling in Alborz province, Iran. *International journal of Fertility & Sterility*, 11 (3), pp. 211–219. DOI 10.22074/ijfs.2017.5010
 29. Ростовская Т. К., Золотарева О. А. Демографическая стабильность как приоритет демографической политики Российской Федерации // Вопросы управления. 2022. № 3 (76). С. 6–18. DOI 10.22394/2304-3369-2022-3-6-18. EDN SWXZSE.
 30. Ильдарханова Ч. И., Ершова Г. Н., Архангельский В. Н. Опыт Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан в научно-методическом сопровождении демографической политики Республики Татарстан // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 5. С. 35–47. DOI 10.22394/2304-3369-2024-5-35-47. EDN JUQLJM.

REFERENCES

1. Vollset, S. E. et al. (2020) Fertility, mortality, migration, and population scenarios for 195 countries and territories from 2017 to 2100: a forecasting analysis for the Global Burden of Disease Study. *The Lancet*, 396 (10258), pp. 1285–1306. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30677-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30677-2). <https://elibrary.ru/irwteb>.
2. Yumaguzin, V. V., Vinnik, M. V. (2023). Long-term forecast of the replacement migration in Russia. *Journal of the New Economic Association*, 1 (58), pp. 48–64. https://doi.org/10.31737/22212264_2023_1_48. <https://elibrary.ru/ydjzwmw>.
3. Nishikido, M., Cui, Q., Esteve, A. (2022) Partnership dynamics and the fertility gap between Sweden and Spain. *Genus*, 78 (1), p. 26. <https://doi.org/10.1186/s41118-022-00170-w>. <https://elibrary.ru/nzdpze>.
4. Lesthaeghe, R. (2014) The second demographic transition: A concise overview of its development. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 111 (51), pp. 18112–18115. <https://doi.org/10.1073/pnas.1420441111>.
5. Zaidi, B., Morgan, S. P. (2017) The second demographic transition theory: A review and appraisal. *Annual Review of Sociology*, 43 (1), pp. 473–492. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-060116-053442>.
6. Goldscheider, F., Bernhardt, E., Lappegard, T. (2015) The gender revolution: A framework for understanding changing family and

- demographic behavior. *Population and Development Review*, 41 (2), pp. 207–239. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2015.00045.x>.
7. Esping-Andersen, G., Billari, F. (2015) Re-theorizing family demographics. *Population and Development Review*, 41 (1), pp. 1–31. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2015.00024.x>.
 8. Becker, G. S., Tomes, N. (1994) Human capital and the rise and fall of families. *Journal of Labor Economics*, 4 (3, Part 2), pp. 1–39. <https://doi.org/10.1086/298118>.
 9. Easterlin, R. A. (1976) The conflict between aspirations and resources. *Population and Development Review*, 2 (3/4), pp. 417–425. <https://doi.org/10.2307/1971619>.
 10. Oppenheimer, V. (1988) A theory of marriage timing. *American Journal of Sociology*, 94 (3), pp. 563–591. <https://doi.org/10.1086/229030>.
 11. Bernardi, F., Gratz, M. (2015) Making up for an unlucky month of birth in school: Causal evidence on the compensatory advantage of family background in England. *Sociological Science*, 2, pp. 235–251. <https://doi.org/10.15195/v2.a12>.
 12. Erola, J., Kilpi-Jakonen, E. (2017) Compensation and other forms of accumulation in intergenerational social inequality. In J. Erola & E. Kilpi-Jakonen (Eds.) *Social inequality across the generations*, pp. 3–24. Cheltenham, Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781786432568>.
 13. Teachman, Ja. (2003) Childhood and the formation living arrangements of coresidential unions. *Journal of Marriage and Family*, 65 (3), pp. 507–524. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2003.00507.x>. <https://elibrary.ru/gxtnvr>.
 14. McLanahan, S. (2004) Diverging destinies: How children are faring under the second demographic transition. *Demography*, 41 (4), pp. 607–627. <https://doi.org/10.1353/dem.2004.0033>.
 15. Rostovskaya, T. K., Knyazkova, E. A. (2022) Institutional foundations of the formation of the student family as a resource of demographic development in Russia. *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*, 15 (1), pp. 169–179. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-169-179>. <https://elibrary.ru/xvzfax>.
 16. Naberushkina, E. K., Besschetnova, O. V., Sudorgin, O. A. (2024) Family and Family Values in the Perceptions of the Young Generation. *The Journal of Social Policy Studies*, 22 (4), pp. 697–714. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-3-697-714>. <https://elibrary.ru/zibqvb>.
 17. Besschetnova, O. V., Naberushkina, E. K., Sudorgina, O. A. (2024) Axiological Assessment of the Influence of Social Institutions on Family Attitudes of Urban and Rural Youth. *Theory and Practice of Social Development*, 10, pp. 17–25. <https://doi.org/10.24158/tipor.2024.10.1>. <https://elibrary.ru/sdlvji>.
 18. Egorova, N. Yu., Sitnikova, I. V. (2024) “Demographic” factor of fertility: assessing territorial potential on the example of the Nizhny Novgorod region. *Management Issues*, 18 (4), pp. 25–40. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-4-25-40>. <https://elibrary.ru/qqvrf0>.
 19. Rosenberg, N. V., Ivanishko, A. M. (2021) Reproductive attitudes of the youth in Penza region: the gap between the expected and the desired. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*, 3, pp. 109–117. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2021-3-10>.
 20. Ovchinnikova, N. V. (2024) Reproductive attitudes of youth. *Social'nye i gumanitarnye znaniya*, 10 (2), pp. 202–217. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2024-2-202-217>. <https://elibrary.ru/cahpdu>.
 21. Sivoplyasova, S. Yu. (2022) Reproductive attitudes of modern youth towards multi-child parenting: Patterns and contradictions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15 (1), pp. 223–242. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.12>. <https://elibrary.ru/mnvasw>.
 22. Beginina, I. A., Ovchinnikova, E. V. (2021) Social-determination factor and practice youth in Russia and Saratov region. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 21 (4), pp. 381–389. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-381-389>. <https://elibrary.ru/mpvogx>.
 23. Levashov, V. K., Velikaya, N. M., Shushpanova, I. S. (2022) Citizens on the “demography” national project implementation in Russia. *Management Issues*, 3, pp. 19–31. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-19-31>. <https://elibrary.ru/nkaiqs>.
 24. Zakharov, S. V., Churilova, E. V. (2019) Russia's populace's notions on reproduction: is there basis for optimism? *The Russian public opinion herald*, 3-4, pp. 69–89. <https://elibrary.ru/zgqefo>.
 25. Vishnevskii, Yu. R., Didkovskaya, Ya. V., Zyryanova, O. B. (2024) Matrimonial and reproductive attitudes of youth in the context of young family safety. *Woman in Russian society*, 1, pp. 40–55. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.1.3>. <https://elibrary.ru/brhdyg>.
 26. Garayeva, E. I. (2020) Reproductive attitudes of megapolis youth (based on the materials of Yekaterinburg). *Humanities, social-economic and social sciences*, 5, pp. 48–51. <https://doi.org/10.23672/m3782-8247-5456-c>. <https://elibrary.ru/xpobny>.
 27. Vorontsova, A. V., Koval, M. V., Rosyuk, E. A. (2024) Features of reproductive installations of modern youth. *Public health*, 4 (4), pp. 68–75. <https://doi.org/10.21045/2782-1676-2024-4-4-68-75>. <https://elibrary.ru/oilkza>.
 28. Lotfi, R., Rajabi Naeeni, M., Rezaei, N., Farid, M., Tizvir, A. (2017) Desired numbers of children, fertility preferences and related factors among

- couples who referred to pre-marriage counseling in Alborz province, Iran. *International Journal of Fertility & Sterility*, 11 (3), pp. 211–219. <https://doi.org/10.22074/ijfs.2017.501>.
29. Rostovskaya, T. K., Zolotareva, O. A. (2022) Demographic stability as a priority of the RF demographic policy. *Management Issues*, 3, pp. 6–18. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-6-18>. <https://elibrary.ru/swxzse>.
30. Ildarkhanova, Ch. I., Ershova, G. N., Arkhangel'sky, V. N. (2024) Experience of the Family and Demography Center of Tatarstan Academy of Sciences in scientific and methodological support of the demographic policy of the Republic of Tatarstan. *Management Issues*, 18 (5), pp. 35–47. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-5-35-47>. <https://elibrary.ru/juqljm>.